

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

ТАЙНЫ 45-го

ОТ АРДЕНН
И БАЛАТОНА
ДО ХИНГАН
И ХИРОСИМЫ

Сергей Кремлев
Тайны 45-го. От
Арденн и Балатона до
Хингана и Хиросимы
Серия «Тайны военной истории»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17312225
Тайны 45-го. От Арденн и Балатона до Хингана и Хиросимы:
Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906817-45-7

Аннотация

1945 год... Советский Союз обеспечил в Европе победу над Германией и разгромил на Дальнем Востоке японскую армию. Казалось бы, о событиях, произошедших семьдесят лет назад, сегодня известно абсолютно все. Но это не так. Не со всех архивов снят гриф секретности, а документы, которые стали доступны, порой не раскрывают некоторых загадок, а, напротив, множат их. К тому же современные историки и политики на Западе намеренно искажают факты в угоду своим геополитическим интересам. Виноват ли Сталин в разгроме Варшавского восстания? Каким было «восемнадцатое мгновение» весны без Штирлица? Освобождали ли Прагу

власовцы? Могли ли немцы сбросить союзников в 1945-м обратно в Ла-Манш? Кто расчленил Германию? Знал ли Сталин об атомной бомбе США до Хиросимы и кто поставил Японию на колени: применение американцами ядерного оружия или советский бросок через Хинган? Кто насиловал немки? Кем были советские маршалы – бездарными мясниками или умелыми стратегами? Кто лукавил в Ялте и Потсдаме, Сталин или Черчилль и Рузвельт? И кто намеревался развязать Третью мировую уже в 1945 году? На эти и многие другие вопросы как всегда точно и убедительно отвечает в своей новой книге известный историк и публицист Сергей Кремлёв.

Содержание

Вместо посвящения	6
Предисловие. Какой юбилей мы празднуем?	8
Глава 0. 1945 год: «информация к размышлению»	32
Глава 1. Удар в Арденнах – несостоявшийся новый Дюнкерк	40
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Кремлев Тайны 45-го. От Арденн и Балатона до Хингана и Хиросимы

© Сергей Кремлев, 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Вместо посвящения

Отцы победили. А мы проиграли.
Они победили. А мы уступили.
Мы Родину любим сегодня едва ли.
Они же любили. Поэтому в силе!

Поэтому в Звёздах, поэтому в славе,
И вьётся поэтому Знамя Победы.
Они сохранили величье Державе,
А мы обеспечили Родине беды.

Они над Европою гордо летели,
Мы нынче за нею ползём еле-еле.
Они замышляли великие цели,
А мы проморгали и то, что имели.

Их Сталин приветствовал как победитель
Спокойной улыбкой своей с Мавзолея,
Сейчас, что ни глянь, то страны погубитель,
И не разобрать, кто гнусней и подлее?

Над ними алело Победное Знамя!
Над нами облезлая «курица» машет...
Мы, сёстры и братья, повинны в том сами.
И, значит, Победа пока что не наша.

Она нынче – с ними, в том сталинском мае,
Когда лишь петлёй награждали Иуду.
Они создавали. Мы только ломаем.
И только бесславье – удел наш.
Покуда.

Предисловие. Какой юбилей мы празднуем?

В 2015 ГОДУ мы отмечаем 70-летний юбилей Победы...

Но кто «мы»?

И что мы отмечаем?

В 1955 году народы СССР и Европы отметили 10-летие общей Победы...

Отметили дружно и без разночтений, но не очень громко... Ведь для тех, кто его отмечал, радость очень уж густо смешивалась с горечью слёз...

В 1965 году пришло время 20-летнего юбилея Победы (ещё *над фашистской Германией*) и первой юбилейной медали – «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Этот юбилей был отмечен пышно и торжественно... Было учреждено звание «Город-герой», и в дополнение к первым городам-героям Одессе, Севастополю, Ленинграду, Сталинграду прибавились Москва и Киев.

Но двадцатилетие Победы имело для её рядовых творцов и несколько странный привкус: город-герой, носивший имя Верховного главнокомандующего, под рукой которого и была завоёвана эта Победа, встречал второй её юбилей под пресным и обезличенным наименованием «Волгоград»... И это было одним из преступлений хрущёвщины.

Через десять лет, в 1975 году, «брежневский» юбилей Победы над *фашизмом* ознаменовался сооружением ныне ветшающих мемориалов и медалью «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В Москве был зажжён Вечный огонь у могилы Неизвестного Солдата и рядом с ней возникли гранитные кубы с землёй городов-героев, среди которых были Одесса, Киев, Минск, Севастополь, Керчь, которые менее чем через двадцать лет будут объявлены в Кремле «иностранными» городами.

А в 1985 «горбачёвском» году была учреждена медаль «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Начиналась «катастрожка»... Готовился реванш Запада за создание после войны мирового социалистического лагеря, и Америка с пристёгнутой к себе Европой начинала подлую кампанию по замалчиванию роли Советского Союза в разгроме и нацистской Германии, и европейского фашизма. Однако в столицах стран – участниц Организации Варшавского договора, ещё проходили военные парады с участием советских гостей, а в огромной стране от Балтики до Тихого океана и от Памира до Земли Франца-Иосифа отмечали ещё Победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками.

Медаль «Пятьдесят лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» учредили в 1993 году. Уже был повержен и растоптан победитель фашизма – Советский Союз, на-

ступили шизофреничные ельцинские годы. Знамя города-героя Ленинграда с Золотой Звездой и орденом Ленина на нём, выносили на торжествах, проходивших в городе, но отнюдь не герое, Санкт-Петербурге. А в Варшаве и Праге, названия которых запечатлены на сталинских медалях «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Праги», готовились вступить в антироссийский блок НАТО.

Медаль «Шестьдесят лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» была учреждена в путинском ельциноидном 2003 году... И её ещё вручали в военкоматах «незалежної» «України», а в Киеве в честь Победы состоялся военный парад.

Сейчас там проходят другие парады...

ПОЛУЧАЕТСЯ, мы каждый раз праздновали юбилеи немного иной Победы и каждый раз на несколько иной идейной платформе...

Да и само понятие «мы» оказывалось каждый раз немного другим, за исключением самого первого юбилея – десятилетнего, который отмечали те, кто Великую Победу завоевал на полях битв и обеспечил в военном тылу. Для них понятия «мы» и «они» имели вполне однозначный смысл. «Мы» – это те, кто победил. «Они» – это те, кого мы победили.

И только тот, кто и сегодня полностью сродни по мыслям, по духу им – творцам Победы, только тот, кому дорого то, что было дорого им, имеет право на святое, объединяющее слово «мы» и на слово гордое «товарищ»...

Мы празднуем 70-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов...

А вы, господа?

Польский министр иностранных дел Гжегож Схетына имел наглость заявить, что Владимира Путина не пригласили на 70-летнюю годовщину освобождения Освенцима потому, что Красная Армия здесь не при чём... «Это был Украинский фронт, Первый Украинский фронт, и украинцы освобождали. Там были украинские солдаты в тот январский день», – заявила шляхетская скотина.

Заявить это мог или негодяй в обществе невежд, или невежда в обществе невежд. Однако не так уж важно, негодяй или невежда шляхетный поляк? Он негодяй и невежда одновременно, но важно и страшно то, что подобное публичное заявление возможно только в обществе невежд.

Причём сам Владимир Путин и ельциноидная Россия сегодня получают от европейских «партнёров» вполне логичные оплеухи.... Чего ещё можно ждать от натовской Польши в России, официально признавшей «катынские» фальшивки? Чего можно ждать от Европы, не осенившей себя не тем знаменем Ленина-Сталина, под которым была одержана наша Победа, а ставшей под то знамя, которое не было брошено летом 1945 года на Параде нашей Победы только потому, что слишком мелко оно выглядело бы рядом с личным штандартом фюрера, потоптанным русским сапогом...

Сегодня воспитывают в историческом невежестве не толь-

ко внешний мир, но и саму Россию. В 2015 году семидесятилетний юбилей Победы будет отмечаться в Москве и будет отмечаться официально, будут вручаться очередные юбилейные медали...

Но доживёт ли Россия, отказавшаяся от Красного Знамени Победы в пользу опозоренного белогвардейцами и властовцами «триколора», до 80-летнего юбилея Победы?

Нет, конечно, если нас и далее будут вести по тому пути к безоговорочной исторической капитуляции, на который Россия встала с августа 1991 года... Сегодня Америка, истратившая миллиарды долларов на приведение населения Украины в состояние политической паранойи, а населения России – в состояние политического идиотизма, выделяет новые десятки миллиардов долларов на доведение России до состояния Украины...

В Киеве янки провоцируют притивостояние необандеровской шушеры с «москалями», в Москве они спровоцируют противостояние русско-фашистской шушеры с исламистами, а результат будет тем же – кровь, смерть, разрывы снарядов системы залпового огня «Град», создававшейся в единой советской стране как наследница легендарных «Катюш»...

Они несли нам гибель, они планируют её нам вновь.

Чтобы этого не произошло, мы должны сохранять и восстанавливать историческую память, восстанавливать знания о той войне, о её открытой и скрытой правде. Усвоив её, мы сможем отвернуть от гибели и одержать самую прочную по-

беду – победу над собственной глупостью.

СЕГОДНЯ события 1945 года – радостного года нашей Победы, обросли ложью и подлыми сплетнями. Европу якобы освободили янки и чуть ли не бандеровцы – ни 1-й, ни 2-й, ни 3-й Российский фронт в штурме-то Берлина не участвовали...

Зато русские якобы изнасиловали пол-Германии...

Сталин якобы уничтожил «свободную Польшу»...

Прагу якобы освободили «власовцы»...

Причём 1945 год – это год победы не только над немецко-фашистской коалицией, но и год победы над милитаристской Японией. Поэтому к «европейской» лжи прибавляется «азиатская» о том, что СССР объявил войну Японии якобы в нарушение Пакта о нейтралитете...

Да, вокруг нашего победного 1945 года за последние десятилетия наслои́лась гнусная ложь. С другой стороны, всё ли мы о 1945 годе знаем, так ли уж хорошо представляем его, победный 1945 год? Мы плохо помним сегодня даже открытую правду о нём, а есть ведь и скрытая или плохо знаемая правда: имею в виду не негатив, а самый настоящий, но неизвестный или забытый позитив!

К тому же не всегда ведь точны даже те, кто вполне заслуживает и нашего уважения, и нашего доверия.

В 1977 году перед личным составом в/ч 15654 выступал – привожу этот случай по памяти, так что в чём-то относительно гостя той серьёзной войсковой части могу и ошибиться-

ся – кандидат юридических наук, первый прокурор Берлина Николай Михайлович Котляр.

С мая 1945 года к тому времени прошло более тридцати лет – срок немалый и для страны, и для отдельного человека, тем более человека не первой молодости уже в 1945 году. Однако полковник (или подполковник, уж не упомню – с той поры тоже ведь прошло почти сорок лет) юстиции Котляр выглядел моложаво, был прекрасным рассказчиком, располагающим к себе всем своим обликом, интонациями и сутью рассказа.

Я и сейчас вспоминаю о нём с теплотой и тогда же записал кое-что так, как это мне запомнилось. Не отвечая за стенографическую точность, привожу здесь эту давнюю запись:

Подписание акта о безоговорочной капитуляции ожидалось в 15.00. Перед дворцом – огромная толпа. Женщины, солдаты, офицеры, генералы ждут. В 12-м часу я попал в зал вместе с журналистами. В центре стол буквой «П» и ещё один маленький столик.

Все голодны (боялись пропустить), но мысль одна – что-то не получилось. Вот войдёт Жуков и скажет: «Генералы, офицеры, по местам! Война продолжается».

У стола – большая группа генералов (Вышинский распорядился ниже генерал-лейтенантов никого не пускать). В 15.00 плюс одна минута открывается боковая дверь и входит Жуков. Лицо угрюмое-угрюмое. Ну, так и есть!

Прошёл, сел за стол, молча сидит. Все думали,

почему так долго молчит? На следующий день его спросили: «Почему Вы так долго молчали, маршал?» И он ответил: «Долго? Мне кажется – нет. Я просто хотел отдышаться». И действительно, диктофоны зафиксировали: примерно минуту он молчал. А всем показалось – с полчаса.

Сели англичане, американцы, французы. Сидит Вышинский, а за ним его корпус – 16 наших дипломатов.

Жуков командует: «Ввести немецкую делегацию». Мне стало интересно: ну, кто же встретит этих фельдмаршалов и гросс-адмиралов? По законам военной этики – генерал, не меньше. Ну с учётом того, что было – полковник. Ну, с учётом того, что фашисты – майора хватит, но – старший офицер.

Входит Кейтель с высоко поднятым маршальским жезлом, гордо. За ним – другие. С двух сторон к ним устремляются два младших лейтенанта! Гимнастёрки – девственно темны. И довольно непочтительно указывают, куда пройти.

Когда Кейтель понял, что это его встречают, – живыми бы лейтенантов съел! Подошёл и швырнул жезл на стол. Не обращая внимания на эту истерику, Жуков спокойно, очень спокойно: «Готова ли немецкая делегация к подписанию акта безоговорочной капитуляции?».

Кейтель и другие сидели и молчали. Кейтель наклонился к Штумпфу (*генерал-полковник, член немецкой делегации, – С.К.*) и что-то тихо зашептал.

Опять пик напряжённости – о чем говорят? И тут Жуков – а голос у него командный, дай бог каждому, – как стукнет кулаком: «Я вас спрашиваю, вы готовы подписать акт безоговорочной капитуляции?» Кейтель съёжился, дрогнул, и когда ему перевели, очень робко сказал «Javol».

На следующий день у Жукова спросили: «Почему Вы взорвались, маршал?» И Жуков ответил: «Ну как же! Тут такое дело, конец трагедии, а они вдруг шепчутся. Может, отказываться собираются, сволочи!»

Итак, момент подписания наступил. Вышинский поворачивается к своим ребятам и долго всматривается в них, как будто плохо знает. А затем манит к себе самого молодого: «Идите сюда, товарищ Петров». И достает завёрнутую в бумажку обычную ученическую ручку с пером за 2 копейки. Из другого кармана достает завёрнутую в розовую бумажку чернильницу-невыливашку и подаёт Петрову.

Стол и два расшатанных, как в плохой КЭЧ (квартирно-эксплуатационной части. – С.К.), стула для немцев...»

На этом мои тогдашние записи обрываются.

Привёл же их вот почему.

Тогда мы, молодые ребята, слушали Николая Михайловича взхлёб, с горящими глазами, что было вполне понятно. Но сейчас, зная многое и многое повидав, в том числе и кинохронику о том дне, я понимаю, что далеко не все детали этого дня, сообщённые Николаем Михайловичем, имели ме-

сто.

Так, сколько я ни всматривался в фото и кинокадры, запечатлевшие маршала Жукова и Кейтеля в момент подписания акта о безоговорочной капитуляции, ни чернильницы-невыливашки, ни ученической ручки в руке у Кейтеля не заметил. Собственно, акт о капитуляции он подписывал авторучкой. И, надо полагать – своей. Хотя сидел он действительно за отдельным небольшим столом.

Да и сама церемония подписания началась не в три часа дня, а в полночь с 8 на 9 мая и закончилась в 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года.

То есть в рассказе не просто современника событий, но их прямого свидетеля, да и не просто свидетеля, а человека с профессионально повышенной наблюдательностью, реальность переплелась с тем, чего не было, однако трансформировалось в душе рассказчика в нечто бывшее.

Полковник Котляр был точен далеко не во всём, но можно ли назвать его рассказ мифом? Опасны ли неточности его рассказа для верного понимания потомками исторической ситуации 1945 года и атмосферы той эпохи?

Нет, конечно!

Для *данного конкретного случая* опасности серьёзного, принципиального искажения исторической истины нет.

Пусть Кейтель обмакивал не школьное, а дорогое канцелярское перо в чернильницу массивного бронзового письменного прибора, а не в ученическую «невыливашку»...

Пусть даже он вообще ничего никуда не обмакивал, а писал «вечным» пером... Принципиальных искажений в историю рассказ советского военного юриста не вносит.

Напротив, если его рассказ не во всём формально достоверен в ряде мелких деталей, он абсолютно достоверен в психологическом отношении и должен быть интересен для нас не меньше, чем кадры кинохроники.

А вот можно ли считать всего лишь неточностью утверждения, что воины Красной Армии, войдя на территорию Германии, якобы изнасиловали два миллиона (!) немецких женщин? В подтверждение этого заявления сегодня публикуются фотографии растерзанных жертв, их рассказы и прочее, тому подобное.

Я отнюдь не склонен утверждать, что все эти фото и рассказы – фальшивки. Они формально историчны, однако историческую истину искажают злостно.

Мы об этом в своём месте поговорим.

Причём в *этом* конкретном случае истина искажается не только злостно, но и целенаправленно. И суть тут не в желании задним числом дезавуировать советского Воина-Освободителя в глазах народов, и прежде всего европейских народов, а особенно в глазах ведущего народа Европы – немецкого.

Точнее, суть – не только в этом желании.

Сменить величественный образ русского солдата, всё ещё стоящего в Трептов-парке с немецкой девочкой, спасённой

им, на образ грязного душой и телом азиата, насилующего направо и налево женщин и набивающего свой «сидор» всем, что под руку попадётся, – вот что необходимо не только для исторических фальсификаций, но и на потребу *завтрашнего* дня.

И, пожалуй, второе важнее первого.

Ну, в самом-то деле! Окончательно уничтожить великий народ с великими культурными и историческими заслугами перед человечеством – это одно. И совсем другое – избавить мировое «цивилизованное» сообщество от логически выродившихся потомков «диких большевистских орд», которые если и победили лучшую в мире амери..., пардон, немецкую армию, то только потому, что эти, не ценящие ни свою, ни тем более чужую жизнь недочеловеки, завалили своими трупами все окопы и траншеи врага... И только поэтому смогли дойти до Берлина.

Сегодня в Европе, да и в России тоже, говорят, что русские «варвары» просто задавили тёмной массой изнемогший под их тяжестью Рейх. А потом, мол, эти «дикари» Германию и Европу разграбили и изнасиловали.

«Вот что такое русские, и так изначально жестокие и невежественные, а к тому же ещё и приученные к тотальному насилию кровавым людоедом Сталиным», – такова подоплёка рассказней о якобы тотально изнасилованных в 1945 году немках. И из них логически вытекает, что раз такими были прадеды и деды, то и правнуки и внуки от них недалеко ушли

— яблоко от яблони ведь недалеко падает! А раз так, то уничтожить злодейскую (на деле злодейски мифологизированную) Россию для якобы *цивилизированных* народов не только допустимо, но и необходимо.

И не имеет значения, уничтожить чем — ядерным или высокоточным оружием, бомбами умело оплаченных террористов, умело оплаченными действиями ренегатов или генетически модифицированными продуктами.

Для будущего оправдания любого насилия над Россией и понадобилось через десятки лет после 1945 года вытаскивать к телекамерам древних и якобы изнасилованных бабушек и забивать сознание новых поколений европейцев «навозными кучами» старых фотографий. Перед тем как уничтожить Россию, её надо оплевать.

А мы всё развешиваем уши и распускаем слюни вместо того, чтобы противодействовать этой лжи. Интересно, долго ли ещё будет продолжаться это «толстовство» в путинско-медведевском исполнении?

Вся правда о великом 1945 годе годе может быть сказана лишь в результате серьёзной коллективной работы на государственном уровне. Однако ничего подобного к 70-летию Победы советского народа на этом уровне сделано, конечно же, не будет. В 2014 году назойливо талдычили о «забытой» Первой мировой войне, пичкали общественное сознание хроникой, толстыми горами печатных «трудов» и т. д., хотя Первая мировая война, в которой русский

солдат тоже проявлял героизм, пока не понял её сути, была Мировой Бойней во имя прибылей Америки.

А ведь сегодня в России – о внешнем мире уже не говорю – постепенно становится забытой действительно великая и священная война – Великая Отечественная. Впрочем, она становится не столько даже забытой, сколько – по точному определению – оболганной.

Ещё бы! Очень уж – на фоне правды как о всей Великой Отечественной войне, так и о двенадцати месяцах 1945 года, на фоне правды об огромной державной работе Сталина, его соратников и всего советского народа в том году – окажется ничтожной и мерзостной правда о нынешних «деяниях» «россиянского» «общества».

А 1945 год – год очень ёмкий и разнообразный...

Он начался с нарастающего краха англосаксонских войск в ходе немецкого январского контрнаступления в Арденнах... Тогда янки были спасены от разгрома советским зимним наступлением на Восточном фронте и улучшением погоды на Западном фронте.

А закончился год нашей Победы освобождением Лаврентия Павловича Берии 29 декабря 1945 года от обязанностей наркома внутренних дел СССР в связи с его назначением куратором атомной проблемы.

Между этими двумя одинаково принадлежащими году Победы событиями произошло множество других событий...

Разгром вермахта Красной Армией в Восточной Пруссии... Освобождение Варшавы и Праги...

Последняя наша оборонительная операция в районе озера Балатон...

Перевод из эвакуации на старые места расквартирования советских военных офицерских училищ...

Ялтинская и Потсдамская конференции, мартовский меморандум физика Лео Сцилларда президенту Рузвельту...

Гибель генерала Черняховского... Смерть в апреле президента США Рузвельта, и смерть в день Победы кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Александра Щербакова...

Взятие Вены и штурм Берлина... Капитуляция Германии и Японии...

Захват контрразведкой «Смерш» бывшего генерала Власова и отставка Черчилля...

Третьи геройские звёзды Александра Покрышкина, Георгия Жукова, Ивана Кожедуба и парад Победы на Красной площади...

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, феноменальный наш танковый бросок через Большой Хинган и разгром японской Квантунской армии...

Образование советского атомного Специального комитета и освобождение после фильтрационных проверок на Лубянке ряда советских генералов, попавших в плен...

Всё это – 1945 год.

Я не смогу рассказать – даже кратко – о многом вышепо-

мянутом и тем более о неупомянутах. Однако кое о чём, заслуживающем внимания, всё же, скажу. Ведь порой широко известные факты 1945 года нередко оказываются «фактами» в кавычках, обросшими разного рода мифами, те же знаменитые «семнадцать мгновений весны», когда в «роли» Штирлица выступал не мифический Максим Максимович Исаев, а реальный посол США в Москве Аверелл Гарриман.

События после 9 мая 1945 года вытекали из событий, предшествовавших Победе, и были нередко связаны с ними прямо, как, например, всё, что относится к атомным исследованиям в США и в СССР. С другой стороны, в 1945 году получил своё завершение ряд событий и процессов, начавшихся ещё в 1944 году. Так, вряд ли можно говорить об освобождении Варшавы в январе 1945 года, ничего не сказав о причинах отказа Советского главнокомандования от этой операции летом и осенью 1944 года.

Поэтому порой мой рассказ выходит за временные рамки последнего года войны и первого года мира.

КАЗАЛОСЬ бы, сегодня нет нужды прятать правду о 1945 годе. Полная правда 45-го – это неполная правда 41-го... В 1945 году мы наступали, мы победили, мы наращивали свой авторитет и окончательно становились второй мировой державой, имея обоснованные виды на будущее первенство. Именно на первенство!

А почему бы и нет?

Да, Америка была богата и мощна. Однако уже тогда её мощь оказывалась результатом не только усилий талантливой американского народа, но и результатом усиливающегося паразитирования США на остальном мире. Паразитирования, в том числе на чужом интеллекте за счёт организованной мировой «утечки мозгов» из различных стран в Америку.

А мы жили своими мозгами!

И неплохо – тогда – ими шевелили.

Общее мировое развитие и развитие антиимпериалистических тенденций в мире неизбежно ослабляло бы США, зато усиливало бы наше влияние, в том числе и экономическое, потому что послевоенный СССР представлял из себя привлекательный и гигантский рынок для всех видов товаров, начиная с прокатных станков и заканчивая экзотическими бананами. И все эти вполне реальные перспективы имели своим истоком Победу 9 мая 1945 года. Авторитет СССР рос и рос!

Так чего здесь стыдиться?

Что скрывать?

Тем не менее с некоторого, вполне определённого момента стала складываться парадоксальная ситуация: чем дальше от Дня Победы, – от 9 мая 1945 года – тем всё более и более затеняется и скрывается *главная* правда о Победе 1945 года.

Исходной точкой для процесса сокрытия этой правды стала горбачёвская «катастрожка», а последующими репёрны-

ми точками – правление Ельцина и последующих ельциноидов.

В итоге сегодня, несмотря на обилие рассекреченных фактов, на обильный поток книг, статей и материалов Интернета, главная правда о Победе 1945 года почти исчезла из массового общественного сознания средних и даже старших поколений. О молодых поколениях, некритически пьющих грязную ложь из пропагандистских «луж», вытоптанных разного рода *копытами* на дороге к правде, и вообще не разговор!

Причина возрастающего сокрытия правды о Победе 1945 года заключается не в архивных ограничениях или в трудностях понимания этой правды. Основная причина – в ином. Ведь главная правда о Победе 1945 года проста и до августа 1991 года (точнее, до марта 1985 года, в котором к власти в СССР привели «лучшего немца» Горбачёва) была общедоступной и общеизвестной.

Эта правда была вполне открытой, её сообщали в средней и даже в начальной школе всем гражданам Советского Союза. Её доводили до массового сознания так широко, что она стала даже надоедать и казаться чем-то скучным вроде всем давно хорошо известной и правильной таблицы умножения.

Вот эта ныне скрываемая правда по пунктам.

1) Победу в Великой Отечественной войне одержала не Российская Федерация, и даже не Советская Россия, а великий многонациональный Союз Советских Социалистиче-

ских Республик.

2) Вся страна стала единым военным лагерем, жившим под лозунгом: «Всё для фронта, всё для Победы».

3) Народы СССР в этой войне на фронте и в тылу вело к Победе 1945 года не просто государственное руководство, а *социалистическое* государственное руководство во главе со Всесоюзной Коммунистической партией (большевиков). Коммунисты были основной силой действующей армии, и миллионы их погибли смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины, за Победу 1945 года.

4) Победа 1945 года была также обусловлена тем, что во главе Государственного комитета обороны, Центрального комитета ВКП(б), Совета народных комиссаров СССР и Красной Армии стоял политический и государственный гений – Иосиф Виссарионович Сталин.

5) Победа 1945 года стала возможной только потому, что Советская власть и социалистический строй сумели раскрыть с невиданной ранее полнотой творческие силы народной массы.

6) Красная Армия в 1945 году представляла собой в целом блестящий, слаженный, отлично действующий механизм, работой которого умело управляло командование всех степеней, и прежде всего высшее командование и Ставка Верховного главнокомандующего во главе со Сталиным.

Можно было бы и продолжить, но, думаю, достаточно и этого.

ВОТ ОНА скрытая правда о Победе 1945 года. Скрытая не архивами, а скрытая нынешней властью и «демократами» всех цветов – триколорных, «жовто-блакитных», «оранжевых» и серо-буро-малиновых.

Понимаю, что любители дешёвых и лживых «сенсаций» или «крутых» «откровений» этой правдой будут разочарованы. Но что делать! Истина «дважды два – четыре» из таблицы умножения, хотя и относится к скучным, не может быть заменена на псевдоистину врагов России. Это у них «дважды два» равняется не то что пяти или, там – семи, а вообще тому, что от них потребуется.

Если кто-то желает постигать историю 1945 года по «млечинско-демократическим» и прочим «таблицам» «*умно-лжения*», я ему препятствовать не могу. Но могу помочь тем, кто желает знать правду.

По «демократической» и «либеральной» «таблице умно-лжения» получается, что:

- Сталин в 1945 году завалил немцев трупами;
- победил не советский солдат, а русский солдат;
- даже русский солдат не победил, потому что до самого конца войны воевал не умением, а числом и матом;
- русские были жестоки и получили репутацию не освободителей, а насильников и мародёров;
- красноармейцы ненавидели Сталина и не уважали своих командиров, которых и уважать-то было не за что;

– из-за Сталина утонуло в крови Варшавское восстание и была разрушена Варшава;
– войну выиграли не русские, а союзники.
И т. д. и т. п.

Что-то из этой лжи имеет очень давнее происхождение и запускалось в оборот ещё чеченцем-ренегатом Авторхановым. Этот прямой предатель и сотрудник нацистов в годы войны, потом переориентировался на янки, как и более молодой послевоенный ренегат Григорий Климов.

Известность последнего, как и первого, впрочем, осталась в прошлом: сегодня эстафету от них приняли млечины и резуны. Что же до Климова, то он, направленный после войны в аппарат оккупационной Советской военной администрации в Германии, через пару лет сбежал в американскую зону оккупации, откуда попал в закрытый «Гарвардский проект» разрушения России. На Западе Климов дебютировал книгой «Берлинский Кремль», и в обширной обойме антисоветских трудов непросто найти более яркий образец злостного мифотворчества, где реально бывшее превратно интерпретируется и обильно поливается «чернухой»... Тут Климов однозначно переплёвывает Авторханова и Солженицына и порой может утереть нос даже млечиным.

В «Берлинском Кремле» Климов утверждал: «Если какой-нибудь немец подойдёт к советскому солдату и попробует ему сказать: «Иван – шлехт» (Shlecht – «плохой»), сол-

дат без разговоров даст ему в зубы. Если этот же немец будет ругать последними словами Сталина, советскую власть и коммунизм, то солдат наверняка отдаст ему свои последние папиросы. Это автоматическая реакция...»

Не утруждая себя опровержениями, просто прибегну к встречному цитированию немецкого танкового генерал-майора Фридриха Вильгельма фон Меллентина.

Меллентин воевал в Польше, во Франции, на Балканах, в Африке, на Восточном фронте, затем опять во Франции, в Бельгии – в Арденнах (о них будет отдельный рассказ) и, под самый конец, в самой Германии, закончив войну начальником штаба 5-й танковой армии. В 1956 году в Лондоне вышла его книга «Panzer battles 1939–1945», изданная у нас в 1957 году («Танковые сражения 1939–1945 гг.»), где он писал:

«Русский солдат любит свою «матушку Россию» и поэтому он дерётся за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком. Однако следует учитывать, что партия и её органы обладают в Красной Армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей не доставало в Первую мировую войну – железную дисциплину... Дисциплина – главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась

решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина...

...Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского всё больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растёт...»

Уже одна эта оценка Меллентина – убеждённого антисоветчика и антикоммуниста, разбивает ложь ренегатов, как бетонобойный снаряд халтурно сляпанную бетонную стену. Тем не менее правду о 45-м годе из нашей жизни настойчиво пытаются удалить.

Поколения, сделавшие 1945 год для Советского Союза победным, почти полностью ушли из жизни... А те считанные единицы, кто ещё жив, уже, как правило, не находят моральных и физических сил для того, чтобы отмежеваться от лицемерных «торжеств» власти и стукнуть кулаком по столу в преддверии очередного юбилея Победы, незаконно взятого в *среднесрочную аренду* нынешним Кремлём. И реальностью наших дней – особенно в дни юбилейных торжеств – становится тотальная социальная шизофрения...

В «табельные» дни разрушители великой Советской державы произносят речи о величии Победы... Антисоветчики выпускают плакаты, где изображён орден Победы с гордыми буквами «СССР» на нём...

А зажавшиеся муниципальные воры-«властители»

в день 9 мая напропалую угощают всех, включая мальчишек, «фронтовыми» ста граммами, отнюдь, к слову, не такими уж на фронте частыми.

Фронтовики ушли в землю, а их внукам и правнукам вместо правды о войне средства массовой информации и официальные власти «скармливают» в лучшем случае полуправду, а чаще – откровенную ложь.

Но стержень правды о войне и о её завершающем, победном, 1945 годе так же остёр, как шило.

А шило, как известно, в мешке не утаишь.

Даже если этот «мешок» сработан в Кремле...

Хоть «Берлинском» в исполнении предателя-перебежчика Климова, хоть в Московском образца ХХІ века.

Глава 0. 1945 год: «информация к размышлению»

В КАЧЕСТВЕ исходной «информации к размышлению» будет, пожалуй, полезным дать общую картину основных событий года Победы, с начала и до конца...

Итак, 1945 год...

На важнейшем театре военных действий – европейском, год начался с того же, чем закончился: с ударов вермахта по англо-американцам в развитие контрнаступления 16 декабря 1944 года в Арденнах. Союзники, имея огромный перевес в наземной технике, не говоря уже об авиации, отступали и, чего доброго, могли докатиться до второго Дюнкерка.

Красная Армия, взяв стратегическую паузу, готовилась к тяжелейшим боям завершающего года войны.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская наступательная операция, которая завершилась 3 февраля. 13 января началась Восточно-Прусская наступательная операция, которая завершилась 25 апреля 1945 года.

Впереди были Балатонская оборонительная операция, Венская наступательная операция, Берлинская наступательная операция и освобождение Праги...

Позади, в 1944 году, остались капитуляция Румынии и Финляндии, вступление советских войск в Болгарию, объяв-

ление – 28 декабря 1944 года – Временным национальным правительством Венгрии войны Германии...

Висло-Одерская операция 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова и 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева началась существенно раньше, чем предполагалось. Это решение Сталина было вызвано просьбами Черчилля и Рузвельта о помощи союзникам, терпящим крах в районе Арденн.

Операция проводилась во взаимодействии со 2-м и 3-м Белорусскими и 4-м Украинским фронтами под командованием маршала Рокоссовского, генерала армии Черняховского и генерала Петрова. Она стала частью общего стратегического наступления Красной Армии на 1200-километровом фронте с задачей открыть путь к реке Одер на Берлинском направлении.

1-й Украинский фронт уже в первый день наступления взломал глубоко эшелонированную оборону противника, к исходу третьего дня разгромил его оперативные резервы, к 18 января завязал бои на подступах к Кракову, а 23–28 января вышел к Одере и с ходу захватил плацдармы севернее и южнее Бреслау (Вроцлава).

Две мощные ударные группировки 1-го Белорусского фронта вышли главными силами к Одере в начале февраля. 17 января 1945 года была освобождена Варшава.

Затем 1-й Белорусский и 2-й Белорусский фронты перешли к развитию успеха, 24 февраля начав Восточно-Поме-

ранскую операцию в Поморье.

Прорвав Померанский оборонительный «вал», мы 5 марта вышли к Балтийскому морю, 28 марта заняли Гдыню, а 30 марта – Данциг (Гданьск). Очистив Померанию, можно было приступить к подготовке Берлинской операции.

Восточно-Прусская операция началась на день позже Висло-Одерской и продолжалась почти до конца апреля. Её успех обеспечил наступление на Берлин с северо-востока, а острие было направлено на Кенигсберг – ныне русский Калининград.

Кенигсбергская операция фактически стала завершающей частью Восточно-Прусской операции. В ночь с 9 на 10 апреля в плен сдались остатки сильнейшего Кенигсбергского гарнизона во главе с комендантом генералом Лошем – около 50 тысяч солдат и офицеров. 25 апреля 1945 года был взят Пиллау – ныне русский Балтийск.

К этому времени давно была ликвидирована опасность для Красной Армии, возникшая в начале марта в Венгрии – в районе озера Балатон.

О Балатонской операции – единственной оборонительной операции Красной Армии в 1945 году – в СССР писали мало. Оборонительная ведь, не наступательная. Но в этой операции доблесть и воинская выучка наших войск сказались не менее, а, может быть, даже больше, чем в наступательных операциях 1945 года. В своём месте об этом будет сказано отдельно.

Успех в Балатонской операции подготовил базу для Венской операции, длившейся с 16 марта по 13 апреля 1945 года. Венскую операцию проводили силы 2-го Украинского фронта под командованием маршала Малиновского и 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина. В её результате советские войска очистили западную часть Венгрии, к 7 апреля вышли на подступы к столице Австрии Вене и 13 апреля штурмом овладели ей.

Бои за Австрию были, хотя и упорными, но потери в них были далеко не так велики, как те, которые советские войска несли в самой Германии, особенно – на Берлинском направлении. Всего в боях за Австрию погибло 26 тысяч советских воинов.

За каждой из смертей на войне – трагедия, особенно когда массово гибнут люди во цвете лет. Но «австрийская» цифра потерь не сравнима с нашими потерями в собственно Германии, где напряжение борьбы оказалось неизмеримо бóльшим.

Берлинская наступательная операция началась 16 апреля 1945 года и закончилась фактически с окончанием войны – 8 мая. На Берлин наступали войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова, 2-го Белорусского фронта под командованием маршала Рокоссовского и 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева.

В 14 часов 25 минут 30 апреля 1945 года над рейхстагом было поднято Знамя Победы.

1 мая 1945 года над рейхстагом на малой высоте прошли две восьмёрки истребителей под командованием Героя Советского Союза полковника А. В. Ворожейкина и сбросили на парашютах два огромных красных полотнища с надписями на одном: «Да здравствует 1 мая!» и на втором: «Победа».

Победа!

А 2 мая 1945 года Берлинский гарнизон официально капитулировал.

Пушки умолкали, начиналась пора дипломатии. Ещё на фоне зимних военных баталий состоялась первая крупная дипломатическая битва 1945 года – с 4 по 11 февраля близ Ялты в Ливадийском дворце прошла Крымская конференция Сталина, Рузвельта и Черчилля при участии министров иностранных дел и начальников штабов.

Вторая подобная «битва» – уже после окончания войны – произошла летом 1945 года на территории Германии, в берлинском пригороде Потсдаме во дворце Цецилиенхоф – с 17 июля по 2 августа. Вопросы послевоенного устройства мира там обсуждали Сталин, новый президент США Гарри Трумэн и уже висевший на волоске английский премьер-тори Черчилль, которого 28 июля сменил лейборист Эттли.

До английской «смены караула» Трумэн успел при помощи Черчилля провести совместный «атомный» зондаж Сталина, очень смахивавший на шантаж. Дело в том, что 16 июля 1945 года на полигоне Аламогордо в штате Нью-мексико была успешно испытана первая атомная бомба

«Trinity» («Троица») мощностью в 21 тысячу тонн тротила. Трумэн исполнился радужных надежд на сильный козырь в игре против Сталина, и, решив разыграть его немедленно, сообщил Сталину, что США «получили новое оружие необыкновенной разрушительной силы». Черчилль в это время наблюдал за реакцией Сталина...

Сталин отнёсся к новости равнодушно, из чего два ангlosакса сделали вывод о том, что русским до их собственной бомбы далеко, если они вообще что-либо знают о её возможностях. Насколько этот вывод был верен, станет ясно позднее, по ходу моего рассказа.

6 августа 1945 года в 8 часов 16 минут 2 секунды по местному времени главный «атомный» секрет перестал быть секретом – над Хиросимой была взорвана урановая бомба «Little Boy» («Малыш»).

9 августа плутониевая бомба «Fat man» («Толстяк» – в честь Черчилля) испепелила Нагасаки.

В это время советские войска уже вели боевые действия против Японии. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии. В Москве же состоялось первое заседание советского «атомного» Специального комитета при Совете народных комиссаров СССР под председательством Лаврентия Павловича Берии.

В Вашингтоне подсчитывали барыши, в Лондоне и Париже – дырки в прохудившихся за время войны карманах.

В Советском Союзе подсчитывали страшные потери. Было разрушено 1710 городов и посёлков, 70 тысяч сёл и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий.

Погибло...

Впрочем, сколько советских людей погибло в ходе той войны, не договорятся по сей день. Общая цифра колеблется от 20 «сталинских» миллионов до 27 миллионов «горбачёвских» и чуть ли не 50 миллионов «демократических». При этом вряд ли верна даже «горбачёвская» цифра, а близка к истине та классическая цифра в двадцать миллионов, которую назвал ещё Сталин. Ему не было никакой нужды преуменьшать масштабы потерь и разрушений.

К чему?

Если бы число погибших составило даже тридцать миллионов, народ поставил бы их в вину не Сталину и Советской власти, а Гитлеру.

Год Победы заканчивался...

На развалины городов, сёл и деревень Великороссии, Украины и Белоруссии во второй раз за 1945 год ложился снег, теперь уже – осенний. На бывшей оккупированной территории СССР жизнь в 1945 году ещё не кипела: очень уж свежа и страшна была здесь разруха, и жизнь здесь пока, скорее, теплилась. Стране ещё предстоял голодный 1946 год и скудный 1947 год...

Но уже в 1945 году всем здоровым силам в СССР было ясно, что будущее будет ярким, потому что в этом году Рос-

сия добилаьсь выдающегося успеха в своей бурной истории – Мир победил Войну. И 1945 год открывал для Мира самые широкие перспективы.

Жаль, что 1991 год и все последующие годы перечеркнули их, заменяя мощь бессилием, достижения – провалами, а правду – ложью и подлы.

Глава 1. Удар в Арденнах – несостоявшийся новый Дюнкерк

ЯНКИ приписывают себе оглушительные успехи в 1945 году, однако в начале года они могли откатиться чуть ли не опять к морю, откуда начинали летом 1944 года.

Считается, что к 1945 году Германия настолько ослабела, что даже о почётном мире для неё и речи быть не могло. Англосаксы, порывшись в анналах своей истории, вытащили оттуда и запустили в оборот давний термин «безоговорочная капитуляция», сделав её *condicio sine qua non* (непременным условием) окончания войны с Рейхом.

Рейх, действительно, со второй половины 1944 года стал ощутимо слабеть – сказывались напряжение войны, потеря многих завоёванных регионов с их экономикой, нехватка сырья и энергоносителей, а также стратегические бомбардировки территории Германии союзниками. Промышленное производство снижалось, резервы истощались.

Однако Рейх был настолько силен, даже в 1945 году, что такой крупный военный деятель союзников, как генерал Паттон, записал в своём дневнике...

Впрочем, об этом чуть позже.

А сейчас об ударе вермахта по союзникам на рубеже 1944 и 1945 годов и в начале 1945 года. Эти последние наступле-

ния немцев сегодня оцениваются не очень высоко, да и в реальном масштабе времени Черчилль – на Крымской конференции 1945 года в беседе со Сталиным – заявлял, что Гитлер-де «приготовил паутину, но забыл про паука».

Однако легко ему было так шутить 4 февраля 1945 года, когда уже более полумесяца успешно развивалось советское наступление на Востоке. С середины же последнего месяца 1944 года до середины первого месяца 1945 года союзникам было не до шуток. В декабре 1944 года они убедились в том, что Рейх ещё силён, поскольку 16 декабря началась предпоследняя наступательная операция вермахта во Второй мировой войне – Арденнская.

Последней же наступательной операцией немцев стала Балатонская операция марта 1945 года против советских войск в Венгрии, и будет поучительно сравнить ход этих двух операций.

Но пока – об Арденнах...

Я не пишу историю той войны, и эта книга – не более чем очерк событий. Поэтому не буду подробно – вслед за англичанами Лиддел Гартом и Фуллером, немцами Типпельскирхом, Меллентином и Гудерианом, американцами Паттоном, Брэдли и Погью, французом Дарси – расписывать, как осенью 1944 года у Гитлера возник замысел опрокидывающего удара по союзникам...

С таким замыслом якобы не соглашался фельдмаршал Рундштедт, главнокомандующий немецкими вооружёнными

силами на Западе, но в обстановке исключительной секретности началась подготовка наступления, назначенного на 16 декабря 1944 года...

Наступление оказалось для союзников сюрпризом. Накануне его Монтгомери – английский командующий, обменивался с Эйзенхауэром – американским командующим, ехидными письмами по поводу заключённого год назад пари на пять фунтов стерлингов. Гитлер же предъявил обоим намного более крупный счёт, получать по которому он намеревался в Антверпене.

Замысел фюрера позднее оценили как авантюру, но, скорее, его надо оценить как смелый. Достаточно сказать, что, по свидетельству Лиддел Гарта, на третий день наступления – 19 декабря, немцы находились *в полукилометре* от огромного склада горючего около Ставло, где хранилось более 11 миллионов литров бензина.

Получи немцы этот жизненно важный для них бензин, всё могло бы пойти на Западе иначе. Ведь особых боевых качеств союзники не проявили, хотя имели преимущество во всём, и прежде всего в авиации. После высадки в июне 1944 года в Нормандии англо-американцы к декабрю 1944 года вышли на подступы к Рейну, а далее повели себя пассивно. Похоже, они рассчитывали или на быструю общую капитуляцию Германии, или – что более вероятно – на сепаратный мир с ней.

Конечно, отдельный сговор с немцами за спиной СССР

вызвал бы в мире бурю протестов и возмущения, но боссы Запада всегда умели успокоить электоральную скотинку – успокоили бы они её, надо полагать, и на этот раз... Однако Рейх отнюдь не собирался ещё сдаваться, и 16 декабря 1944 года фельдмаршал Рундштедт нанёс по союзникам первый мощный удар в общем направлении на Льеж. Фронт союзников был быстро вскрыт, и немцы готовились к полной ликвидации всего его северного крыла.

Хотя фронты – не гуси, на одном крыле им тоже далеко не улететь, а вермахт, разделившись с союзниками в Северной Франции и Бельгии, не обделил бы своим вниманием и южное крыло рушащегося на глазах союзного фронта. Историк Джон Толанд позднее писал:

«75 тысяч американских солдат на фронте от Эхтернаха до Моншау в ночь на 16 декабря легли спать, как обычно... В этот вечер ни один из американских командующих не предполагал всерьёз о крупном немецком наступлении».

НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ порыв немцев – особенно частей Ваффен-СС – был очень велик. Это видно не только по стрелам наступления на картах обстановки и темпу продвижения, но и по фото- и кинодокументам того времени. Достаточно всмотреться в выражение лица молодого, однако, явно опытного в воинском деле, пленённого союзниками солдата войск СС, чтобы понять, для него война не проиграна, а только начинается всерьёз... Ведь этот парень черпал силу

уже не в мыслях о Минске, Киеве, Москве и Ленинграде, а в понимании того, что он защищает свою собственную Родину.

Союзники панически отступали. Вот картина, описанная американским журналистом Ральфом Ингерсолом, участником и свидетелем боевых действий в Европе:

«Немецкие войска прорвали нашу линию обороны на фронте в пятьдесят миль и хлынули в этот прорыв, как вода во взорванную плотину. А от них по всем дорогам, ведущим на запад, бежали, сломя голову, американцы».

Однако потом всё изменилось. Улучшение погоды позволило авиации союзников наносить почти безнаказанные бомбовые удары по коммуникациям и войскам, у немцев катастрофически не хватало горючего. Немецкое контрнаступление иссякало.

После войны бывшие генералы вермахта почему-то не оправдывали провал Арденнского наступления помощью англов и саксов со стороны «генерала Чистое Небо», хотя на Восточном фронте всё сваливали на «союзника русских» – «генерала Мороза».

Что реально происходило тогда на Западном фронте, и сегодня понять до конца сложно. Так, по оценке штаба Эйзенхауэра, немецкие потери за время Арденнского наступления составили 220 тысяч человек, а начальник штаба Рундштедта генерал Вестфаль оценивал их после войны в 25 тысяч

человек.

Ничего себе расхождение, а?

Проще обстоят дела с исходными цифрами.

И они примерно таковы...

Перед началом немецкого наступления союзники имели на фронте в 640 километров 63 дивизии (из них 15 – бронетанковых), 10 тысяч танков, 8 тысяч самолётов. Плюс – резервы.

Немцы имели 73 дивизии (в том числе 11 танковых) и 3 бригады. Некомплект ряда дивизий составлял при этом 30–40 %.

В ударную группировку вермахта входили войска группы армий «Б»: 6-я танковая армия СС обергруппенфюрера СС Дитриха, 5-я танковая армия генерала Мантейфеля и 7-я армия генерала Бранденбергера.

Группировка имела около 900 танков и 800 самолётов авиационной поддержки, по данным советской «Истории Второй мировой войны». По данным же, например, англичанина Дж. Фуллера, в группировке насчитывались 1000 танков, 3 000 самолётов и «много тысяч автомашин».

Как ни считай, общее соотношение сил было для немцев малоутешительным. Тем не менее успех они иметь могли, причём успех решающий. Впоследствии генерал Гальдер заявлял, что силы, использованные для наступления в Арденнах, «были последними грошами обнищавшего человека», но явно при этом прибеднялся: силы у немцев тогда ещё бы-

ли, и крупные.

После войны генералитет вермахта собственные грехи свалил на Гитлера. (Тут, правда, немцы оказались не одинокими: советские генералы свои грехи, особенно предвоенные и первые военные, тоже свалили с подачи Хрущёва на Сталина). Однако Гитлер не был лишён полководческого таланта и вполне умел мыслить стратегически, в том числе в 1945 году.

Танковый генерал Меллентин утверждает, что накануне нашего наступления зимой 1945 года Гудериан якобы предупредил Гитлера 9 января, что «Восточный фронт напоминает карточный домик», но тот якобы «упрямо продолжал думать, что подготовка русских – всего лишь гигантский блеф». На самом деле гигантским генеральским блефом является вышеприведённое утверждение... В действительности Гитлер ещё 4 декабря 1944 года в письме главе венгерского фашистского правительства Ференцу Салаши писал, что очень скоро резервы, имеющиеся на Западе, потребуются для переброски на Восток, так как «русские в самое ближайшее время начнут гигантское наступление против Восточной Пруссии и Верхней Силезии».

Собственно, и наступление на Западе Гитлер планировал провести до того, как возникнет необходимость в отражении наступления на Востоке, для чего понадобились бы войска, снимаемые с Западного фронта. Однако решительного прорыва не получилось, положение стабилизировалось. Не сми-

рившись с мыслью, что Рейху не удалось вернуть себе инициативу на Западном фронте, Гитлер санкционировал новое наступление, начавшееся 1 января 1945 года и вначале давшее вновь хорошие результаты.

НА ЗАПАДНОМ фронте всё опять повисло на волоске не только для немцев, но и для союзников. В подтверждение сказанного приведу лишь один, но красноречивый факт. 4 января 1945 года командующий 3-й американской армией генерал Джордж Паттон записал в своём дневнике: «Мы ещё можем проиграть эту войну».

Тогда-то Черчилль и обратился к Сталину, фактически умоляя его ускорить советское наступление. 6 января 1945 года английский премьер направил «маршалу Сталину» следующее послание:

«На Западе идут очень тяжёлые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной утери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его

поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он ещё не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление в районе Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причём лишь при условии сохранения её в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным».

Сталин, получив эту просьбу о помощи, отчаянность которой была лишь слабо завуалирована сухостью изложения, 7 января 1945 года ответил так:

«К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер ещё не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку, и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины

января. Можете не сомневаться, что мы сделаем всё, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

В некотором смысле зимой 1945 года повторялась ситуация осени 1914 года, когда кровью наступления русской армии Самсонова был обеспечен успех союзников во Франции. Теперь, конечно, всё было иначе: наступать мы вскоре собирались и так. Но бритты и янки считали возможным наступать лишь тогда, «когда будет пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата».

Естественно, солдата англосаксонского...

А ведь и русским тоже не помешали бы те неделя-другая, которые оставались до начала нашего *всесторонне подготовленного* наступления на Западе с общим направлением на Берлин.

Однако пришлось начинать наступать – от Балтики до Карпат – раньше, чем намечалось. Надо было спасти союзников от угрозы Дюнкерка.

И наше наступление действительно спасло союзников от катастрофы. 12 января 1945 года началась Висло-Одерская операция, и в тот же день немцы были вынуждены прекратить наступление и перебросить на Восток 5-ю и 6-ю танковые армии. Позднее 6-я танковая армия будет играть роль тарана на Балатоне, но там ей, что называется, «не обломилось».

Противник был не тот.

Периодически мы будем обращаться к докладу заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии генерала армии Антонова, который он сделал 4 февраля 1945 года для участников Крымской (Ялтинской) конференции. Говоря о ходе советского наступления, Антонов сказал:

«Вследствие неблагоприятных погодных условий предполагалось эту операцию начать в конце января, когда ожидалось улучшение погоды.

Поскольку операция эта рассматривалась и подготавливалась как операция с решительными целями, то хотелось провести её в более благоприятных условиях.

Однако ввиду тревожного положения, создавшегося в связи с наступлением немцев в Арденнах, Верховное командование советских войск дало приказ начать наступление не позже середины января, не ожидая улучшения погоды.

<...>

Наступление было начато в крайне неблагоприятных условиях..., что совершенно исключало работу авиации...»

Антонов также прибавил, что артиллерийское наблюдение ограничивалось сотней метров. А ведь мы сосредоточили в полосе прорыва огромное количество артиллерии крупного калибра, и точность стрельбы была очень важна.

Так или иначе, ко времени февральского доклада Антонова успех был достигнут. Но уже 15 января 1945 года Ста-

лин писал Рузвельту:

«После четырёх дней наступательных операций на советско-германском фронте я имею теперь возможность сообщить Вам, что, несмотря на неблагоприятную погоду, наступление советских войск развивается удовлетворительно. Весь центральный фронт, от Карпат до Балтийского моря, находится в движении на запад. Хотя немцы отчаянно сопротивляются, они всё же вынуждены отступать. Не сомневаюсь, что немцам придётся разбросать свои резервы между двумя фронтами, в результате чего они будут вынуждены отказаться от наступления на западном фронте...

Что касается советских войск, то можете не сомневаться, что они, несмотря на имеющиеся трудности, сделают всё возможное для того, чтобы предпринятый ими удар по немцам оказался максимально эффективным».

На Крымской конференции в феврале 1945 года Черчилль выразил «глубокую благодарность и восхищение той мощью, которая была продемонстрирована Красной Армией в её наступлении».

Сталин в ответ сказал, что «зимнее наступление Красной Армии, за которое Черчилль выразил благодарность, было выполнением товарищеского долга».

Он также заметил, что «согласно решениям, принятым на Тегеранской конференции, Советское правительство не обя-

зано было предпринимать зимнее наступление».

Сегодня это тоже забыто или сознательно заслонено злостными и злобными мифами о Сталине и о сути и значении действий Красной Армии в 1945 году и вообще в той войне. *Но это было*, и мы ещё вернёмся к теме благородства Сталина и ловкачества его западных партнёров.

Тема того стоит!

УДИВИТЕЛЬНО другое...

Казалось бы, ситуация вокруг «арденнского синдрома» настолько выигрышна для нас, что этот яркий пример выполнения нами своего союзнического товарищеского долга могли бы включить в СССР даже в школьные учебники истории. Однако даже в «брежневской», 70-х годов издания, академической «Истории Второй мировой войны» арденнские коллизии были описаны как с самого начала для немцев проигрышные. Но тогда получается, что не таким уж и значительным был факт ускорения советского зимнего наступления в 1945 году?

«Скромность» со стороны авторов капитального советского труда странная, уходящая, впрочем, корнями ещё в хрущёвские времена, что тоже более чем странно. Тем не менее факт остаётся фактом: в изданной в 1957 году МИДом СССР и Политиздатом «Переписке Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечествен-

ной войны 1941–1945 гг.» отсутствуют как письмо Черчилля Сталину от 6 января 1945 года, так и ответ Сталина.

С чего бы это, господа «бойцы идеологического фронта» хрущёвского ЦК КПСС?

Я понимаю, почему о значении советского наступления на Востоке для *спасения* союзнического фронта на Западе помалкивают Фуллер, Лиддел Гарт, Меллентин, Типпельскирх, Гудериан, Погью, Дарси и прочие западные историки. Я понимаю, почему американский генерал Брэдли с ловкостью шулера объясняет успех советского зимнего наступления «стратегическим влиянием успеха союзников в Арденнах».

Но почему этому не дали жёсткий отпор советские военные историки? Заранее готовили позиции для получения за океанских грантов после 1991 года, что ли?

Союзники – даже оказываясь в Европе под реальными бомбами, снарядами и пулями – относились к войне, скорее, как к игре. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать мемуары их генералов. Немцы же, противостоявшие им на Западе, знали, за что воевали – за Германию. Фельдмаршал Рундштедт, вступая в должность командующего войсками на Западе, заявил, что будет бороться «за выигрыш времени для подготовки своего наступления с целью ликвидации угрозы немецкой земле».

Рундштедт – это «верхи» вермахта.

А вот армейский «низ» – показания пленного обер-лейте-

нанта Эриха Лиса, командира 7-й роты 112 моторизованного полка 20 танковой дивизии, приведённые в информации разведывательного отдела штаба 5-й Гвардейской армии 1-го Украинского фронта от 9 марта 1945 года. Лис заявлял: «Сверху нам говорят, что придёт и наше время. Будут созданы новые соединения. Эти соединения выбросят русских из Германии».

В цитируемой информации разведотдела 5-й Гвардейской армии приводятся разные мнения: это был уже как-никак март 1945 года. И если пленный командир роты лейтенант Хольц был убеждён: «Война будет закончена в этом году нашей победой», то пленный фольксштурмист Кройс Корнел признавал: «Успехи Красной Армии... приводят солдат в ужас... Поражение Германии убивает дух немецкого солдата, в то время как русских их успехи только лишь ободряют». Однако дух сопротивления в немцах угасал лишь постепенно. Под новый 1945 год генерал Меллентин вновь попал на фронт – командовать 9-й танковой дивизией. Позднее он писал: «В большинстве своём мои солдаты были австрийцами, и, несмотря на большие потери, их боевой дух был ещё высок».

Это австрийцы!

Что уж говорить об «имперских» немцах!

ПО-НАСТОЯЩЕМУ немцы были сломлены только в конце апреля – сломлены не столько материально, сколько мо-

рально. На этот счёт можно приводить много доказательств, но сошлюсь на мемуары дважды Героя Советского Союза маршала авиации Евгения Яковлевича Савицкого. Как раз в последних числах апреля 1945 года этот прославленный лётчик неожиданно получил возможность наблюдать с земли наземный же бой и даже участвовать в нём.

Вышло так... Организуя взаимодействие с танковой армией генерала Богданова, Савицкий заночевал с начальником штаба армии генералом Радзиевским в селе под Бранденбургом, и в результате им пришлось ввязаться в ночной бой нашей танковой роты с батальоном немцев.

Позднее Савицкий вспоминал:

«Втроём, с оказавшимся рядом офицером и солдатом, я поднялся на второй этаж пустого... дома. Радзиевский с двумя другими офицерами остался внизу...

Я выбил раму прикладом. Площадь была, как на ладони. Залитая желтоватым лунным светом, она превратилась в поле боя. Можно было легко отличить наших солдат от немецких. И не только по цвету формы.

Как-то иначе наши ребята вели бой, споро и деловито. Будто не со смертью поневоле в орлянку играли, а выполняли привычную, хотя и трудную работу».

Вскоре эта ратная работа должна была закончиться. Но для того, чтобы это стало фактом, надо было воевать до последнего дня войны. А порой – и после него.

На Западе об Арденнской операции написано много, но не так уж много правдивого. И забавно, например, читать некоторые места мемуаров знаменитого Отто Скорцени, командовавшего в Арденнской операции особым подразделением «коммандос» под «маркой» 150-й танковой бригады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.